

Прекрасная Марта

Всех Москва — 1999 — 19 абс — с 7.

После двух минут общения с Мартой Каменской можно ставить безошибочный диагноз: дама благородных кровей. Осанка, поворот головы, плавная речь, спокойный голос, — достоинство чувствуется во всем. Людей такой дореволюционной «породы», может быть, в Париже еще встретишь, среди потомков эмигрантов первой волны. Марта живет в Москве. Создает модели одежды, которые даже при сегодняшнем изобилии не спутаешь ни с какими другими: шубы из шелка, похожие на сон Пьеро, свитера, связанные, как половички из разорванной зигзагом ткани, жакеты-гулагы, сшитые, как натуральные лагерные, но из дорогого черного шелка... Про свои дворянские корни Марта говорит лишь у фотографий ушедших в небытие родных, через паузы: «Да, мама была дворянкой... Дед в белой гвардии был... Прадед священником служил... Родственниками дальними Циолковскому приходились...»

Ирина КОРНЕЕВА

— Марта, вы, наверное, в детстве по-французски говорили?

— Мое самое раннее детство — это война. Не до французского языка было. То время у меня всегда ассоциируется с чувством голода. Мы — пятеро детей с мамой — остались в Москве, в эвакуацию никуда не поехали, оказались отрезаны от родных. Но мама даже в тяжелые дни старалась нас образовывать. К нам приходил музыкант, учил детей играть на скрипке — за еду, потом мы вместе обедали, геркулес ели... Петя нас учили. А я много занималась классическим балетом, практически все детство. Даже поступала в Театр Станиславского, но на третьем туре не прошла. Всегда жалела, что не стала балериной, только сейчас успокоилась. Я всем маленьким девочкам посоветовала бы заниматься балетом — это дает осанку на всю жизнь.

— Первые уроки рисунка от кого вы получили?

— У нас дома всегда рисовали, лепили. Мама была художницей и скульптором, отец — художником. В его первой мастерской на углу Большой Дмитровки и Петровского переулка мы и жили. Это была большая комната в тридцать два метра с витринным окном во всю стену, а под комнатой был такой же подвал. Родители сделали трехуровневую квартиру: построили антресоли для спален, в подвал перенесли кухню и всякие удобства. Ну, не всякие, горячей воды не было.

До революции там была булочная, теперь — кафе. Я увидела как-то, что дверь открыта, зашла, официантка поняла, что я раньше жила в этом доме, показала мне помещение. Антресоли снесли, конечно, в подвале теперь еду готовят. Для меня это тяжело было. С возрастом сентиментальнее становилась, что ли... Когда иду в мастерские Большого театра, там мне вышивку делают, быстрее старуюсь проходить мимо дома, где мама умерла. Мне восемнадцать лет тогда исполнилось... С годами тяжелее это сознать, в молодости ведь трагедия не так воспринималась. Кажется, все счастье еще впереди.

— Почему вы стали художником-модельером, а не пейзажистом, например?

— Мама шила у Ламановой — известного модельера в России 30-х годов. А я, хоть и жила в художественной семье, в институт поступила какой-то строителем и поначалу работала инженером в проектно-институте. О той молодости я не могу вспомнить без ужаса. Я очень терпеливая по натуре, долго считала, что должна ходить на службу, хотя ту работу ненавидела. И однажды поняла, что просто не могу больше там находиться. Но это не так важно, как возникшее неистребимое желание шить.

— Свои первые авторские работы помните?

— Это были две ситцевые телогрейки в крестьянском стиле — первое движение души. Моя старшая сестра тоже была модельером, но иного направления. Так вот она взяла те телогрейки к себе на работу и потом сказала, что их хотят купить две манекенщицы. Для меня это было честью. Я поняла, что смогу зарабатывать любимым делом и ушла из института. Можно сказать, начала вторую жизнь.

— Когда это случилось?

— Лет двадцать пять назад. В советское время.

— Тогда вопросы могли возникнуть: почему не работаете в госучреждении...

— Были и в то время неработающие женщины. Мужние жены. А я имела право не работать, у меня сын еще маленький был.

— В гардеробе сына есть ваши вещи?

— Ни одной. Нарядами он совершенно не интересуется, его страсть — автомобили. А внуки когда ко мне приходят, то такое дефиле устраивают! Надевают на себя длинные платья, ходят, как манекенщицы — ножку за ножку. Это очень приятно. Мне не повезло, что у меня только сын, для женщины интересно иметь дочку. Я работаю для себя, но если бы меня спросили, кто меня вдохновляет, то это вот две маленькие девочки, внуки, которые существуют в моей жизни.

— Здесь (в стильной квартире в центре — с аркой, но без видимых разделений на кухню и комнаты. — Прим. ред.) вы и работаете?

— Да, моя творческая жизнь проходит здесь. В «студии о», так это называется за границей. Мне нужно было большое пространство, и в двухкомнатной квартире пришлось поручить все перегородки. Оказалось, очень удобно. Не я изобрела, за границей часто так делают, это мы привыкли делить жилище на клеточки.

— А почему букет искусственных роз на вашем столике перед зеркалом — траурный?

— Траурный? Нет, просто черный — мой любимый цвет. Черный, синий, темно-фиолетовый, темно-зеленый, вся врубелевская гамма. В букете есть просто цветы, сделанные самодельно, есть розочка со шляпкой, серьги, заколки для волос, брошки, клипсы, которые мне подарили во Франции, но они очень экстравагантные, вот они и оказались в вазе. Мне кажется, цветы в доме, когда они не похожи на настоящие, интереснее. А темные тона связаны еще и с желанием все в моей квартире сделать лишь неброским, ненавязчивым фоном для работы. Чтобы я сама не была ярким пятном и чтобы мебель — синяя, серая — тоже ничего не выхватывала из интерьера. Когда сын вырос, вся моя оставшаяся жизнь стала принадлежать работе.

— Можно узнать, почему у вас на шее — золотая проволока из серебра? Чей это ювелирный экспонат?

— Это я придумала, а сейчас по моему эскизу делается еще кольцо в виде тернового венка. Как ни странно, такие вещи подчеркивают женственность и беззащитность лучше, чем нежные кулончики.

— Вам черный цвет помогал в жизни? То, что вас окружает, связано с какой-то мистикой моды?

— Мистики никакой нет. Я не очень-то поддаюсь внушению и тем более сама не умею гипнотизировать. Но я верю в народные заговоры. У меня есть несколько книжек с ними, которые я перечитываю как хорошую литературу. В народных заговорах вложена очень напряженная энергия. В это можно верить, разумеется, в разумных пределах. Если читать активно «присуху» — приворотный заговор, постоянно думать о человеке, представлять его в привычной обстановке, получается как передача мыслей на расстоянии или внушение. Важны не слова, а механическое повторение того, что ты хочешь, эмоциональный настрой.

— Я обратила внимание, что практически вся коллекция одежды «Марта» одного размера — вашего. Вы согласны с тем, что модельер шьет потенциально на себя?

— Я не знаю, как модельеры-мужчины, но женщины довольно часто это делают. Я во всяком случае первый экземпляр всегда примеряю на себя, выхожу на улицу и смотрю во все витрины и в глаза прохожих: как на вещь реагируют женщины в толпе. Ведь мне хочется, чтобы моя одежда шла не только прекрасным манекенщицам, но и женщинам мо-

его плана, возраста, которые работают, ходят с сумками. Чтобы всякая женщина стала красивее в моей одежде. Ну а я сама себе манекенщица. По-моему, очень женское качество — воспринимать все через себя. Мужчины отвлеченнее мыслят, а мы больше актрисы в жизни. Женщина постоянно ставит себя на место другого. В моей студии образовался как бы женский клуб — столько судеб проходит передо мной, столько сюжетов для Людмилы Петрушевской! Жалко, что у меня нет писательского таланта. Когда слушаешь женские истории, понимаешь, что каждый мужчина — он сам по себе, твердо стоит на своих позициях, а женщине — любой, даже очень независимой, приходится подстраиваться. Мы, как психологи, больше разбираемся в жизненных ситуациях. Когда при разговоре с мужчиной возникает проблема или конфликт, удивляешься: даже самый умный всегда смотрит только со своей колокольни. Вы не заметили? А женщина гибче, если поставит себе задачу все-таки прийти к истине. Это так глубоко в ней заложено. И поэтому женщина-модельер сначала на себя все примеряет, хотя бы в мыслях, а потом других представляет в этой одежде. Если бы я была мужчиной или не старалась следить за собой, оставалась женщиной в любом состоянии и возрасте, мне труднее было бы делать модели. Но я такую философию развела...

— Подруги вашими советами насчет одежды охотно пользуются?

— Если мне нравится какая-то женщина, мне хочется ее одеть. А одеть ее я могу, естественно, только в свое. Есть женщины в себе очень уверенные, твердые, они свой стиль сохраняют, а есть податливые. И те из моих подруг, которые принадлежат к числу последних, ходят в моем стиле.

— Это бизнес-леди или те, кто может себя позволить днями пропадать в косметических салонах?

— Мне интереснее шить именно

для работающих женщин. Большая часть времени у меня самой идет на заработок. Конечно, жалко время, которое могло бы пойти на чисто творческую работу, но кто об этом не жалеет? С другой стороны, я иногда думаю, хорошо, что мне надо зарабатывать деньги, ведь сколько есть скачущих дам, которые не знают, куда себя деть, потому что у них есть все, что им надо. Я вижу, как они мечутся. Женщины по своей природе — беспокойные существа, они не могут, как мужчины, сидеть на пенсиль и смотреть телевизор. Им обязательно нужно к чему-то стремиться. Или женщине нужны перемены в личной жизни, или она попадает в такое состояние, когда говорит: я хочу сама, не знаю чего. Но нам с вами, я думаю, такая неуспокоенность не грозит.

— Марта, а какие-нибудь фамильные драгоценности у вас сохранились?

— Мои драгоценности — старинные лоскутки. (Марта показывает на стопку различных по ветхости тканей.) — Прим. ред.) Лежат, ждут своего часа. Какие-то кусочки уже в Америку уехали... Вот эти бархатные фрагменты со стеклярусом — начала века, а эта тряпочка с золотым шитьем и фигурно вырезанной рыбьей чешуей — XIX века. Я с них технику беру. Что-то нахожу в антикварных магазинах — старушки несут, один лоскуток обнаружила в брошенной квартире — постирала, вещь-то, в общем, музейная, на ней вышивка необыкновенная, я не знаю, как она выполняется, и мастерицу не могу найти, которая смогла бы ее повторить. Тряпка ведь пропадет, она уже совсем ветхая, и вышивка навсегда уйдет, навсегда... А вот пиджак из шали XIX века — я шаль расшила, нужно было ткань закрепить. Один узор я повторила от моей свекрови — у нее на пианино ленты с такой вышивкой лежали. Что-то нашла, порывшись в маминих вещах. А здесь уже узор из книги Фаберже — мотивы использова-

ла. Что-то взяла с иконы Николая Угодника — стояла перед ней, квадратики срисовывала. Тут фрагменты рисунка с флакона начала века...

— Где вы пополняете коллекцию старинных тканей?

— Что-то я во Франции покупаю — пледы кашемировые, которые там тоже не используют для создания одежды. Так только у коллекционеров дома отстранированные висят. А мне всю эту красоту хочется надеть на женщину... В Париже на блошином антикварном рынке много интересного попадает... Еще езжу по нашим городам, приобретаю ткани, не обязательно старые, и у меня под них возникает идея. Например, лен я в Костроме покупаю, где его производят. Из льна нетканого закупаю старушечьи вязаные подзоры. Ручные тяжелые кружева получают даже эффектнее, чем традиционные вологодские — со своей неправильностью. Мне кажется, ручная вышивка обязательно должна присутствовать не только в костюмах Юдашкина. Модельер любого уровня может ее заказать — она не такая дорогая, как принято считать, к тому же у нас сейчас так много мастериц, которые забросили свое дело и пытаются торговать сигаретами... Машина никогда не сделает того, что может человек на руках. На компьютере получается очень точный рисунок. С ним душа из изделия выхолащивается, не то что в тех народных вещах, которые долго делали длинными зимними вечерами.

— За основу вы берете русский крой и стиль...

— Псевдорусского, яркого, широкого, словом, того, что можно носить только с кокошником на голове, у меня вы не найдете. Русские мотивы я выполняю в пастельных серых тонах — цвета идут от Серебряного века. А крой русский я действительно очень люблю — русского сарафана и душегреи с силуэтом, расклешенным от груди и лопаток. Стиль лебедь. Идет практически всем, противопоставляя — только очень большая грудь. И ко-

кетливо, и не так навязчиво, и в исконно русской традиции.

— Как русский стиль, идущий в основном от деревенских традиций, приживается в городе?

— Сейчас русские женщины боятся исконно русского силуэта и с большой опаской начинают носить его. За русскими сарафанами в стиле модерн, как у Билибина, Бахста, ко мне духовенство приходит; во Франции, Америке их носят с удовольствием, а у нас пока очень робко. И в деревнях теперь, увы, все ходят в одежде городской и некрасивой... Я городская жительница, но в деревне я всегда с интересом наблюдаю за русскими женщинами, хотя бы как они платок повязывают. И когда оказываюсь там, всегда спрашиваю, не осталось ли что-нибудь из старого. Но свое обычно не ценят, говорят, выбросили давно... В Костроме мне удалось купить плюшевую кофту. После войны в город приезжало много крестьянок, голод был в деревнях, и они без паспортов устраивались нянями. У нас дома няни менялись, но все они приезжали в таких плюшевых кофтах, очень комфортных, из настоящего хлопчатобумажного плюша, на вате, теплых, «дышащих», не то что сегодняшние куртки. И мне повезло: в Костроме какая-то бабушка достала из сундука такую плюшевую кофту, причем новую. Я ее переделала, плечи перешила, пуговицы красивые пришила, получилось очень необычно. Но настал тяжелый материальный момент в моей жизни. Одной американке безумно понравилась эта кофта, и она уговорила меня ее продать. И сколько таких случаев... Так ни о чем не жалею, много было продано, когда родителей не стало, всяких ложек серебряных и так далее, об этом не вспоминаю. Но вещи сами по себе, может, не ценные, но которые невозможно купить, вот их мне немножко жалко. Хотя тоже не очень. Все ведь так быстро проходит в жизни, что если еще о вещах жалеть...